

Р. Г. ПИОТРОВСКИЙ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ РАСХОЖДЕНИЯ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

(Еще раз о соотношении молдавского и румынского языков)

Одной из ключевых задач современной социолингвистики является выработка языковых критериев для разграничения таких понятий, как язык и диалект, близкородственные языки и национальные варианты одного языка. В настоящее время при отнесении двух сравниваемых «говорений» к разряду самостоятельных (близкородственных) языков или диалектов (национальных вариантов) используются в основном социальные, культурно-исторические и народно-психологические данные¹; реже учитываются политические соображения и самооценки специалистов, занимающихся языковым строительством². Лингвистические факты привлекаются здесь обычно для иллюстративного подтверждения того или иного экстралингвистического решения³. Однако в тех случаях, когда национально-языковое сознание носителей языка еще не сформировалось, вопрос о самостоятельности того или иного «говорения» приходится решать, исходя только из лингвистических критериев. По какому пути должна идти разработка указанных критериев? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к давней контроверзе по поводу «отдельности» румынского и молдавского языков.

Культурно-исторические расхождения в древних судьбах румын (волохов, влахов) и молдаван⁴, а также отражение этих расхождений в психологии обоих народов закрепилось в противопоставлении терминов «румынский — молдавский», «румынский язык — молдавский язык» — противопоставлении, выкристаллизовавшемся, по крайней мере, в конце XVII — начале XVIII вв., что нашло отражение в произведениях М. Ко-

¹ Подробнее об этом см. в следующих работах: В. М. Ж и р м у н с к и й, Марксизм и социальная лингвистика, «Вопросы социальной лингвистики», Л., 1969, стр. 18—19; Ф. П. Ф и л и н, К проблеме социальной обусловленности языка, сб. «Язык и общество», М., 1968, стр. 19 и сл.; Р. А. Б у д а г о в, Литературные языки и языковые стили, М., 1967, стр. 5 и сл.

² Ср.: Л. В. Н и к о л ь с к и й, Языковая политика как форма сознательного воздействия общества на языковое развитие, сб. «Язык и общество», М., 1969, стр. 112—114; М. И. С т е б л и н - К а м е н с к и й, Возможно ли планирование языкового развития?, ВЯ, 1968, 3, стр. 56.

³ Н. L. M e n c k e n, The American language. An inquiry into the development of English in the United States, 4-th ed., New York, 1946. Ср.: Г. В. С т е п а н о в, Объективные и субъективные критерии определения понятий «диалект», «вариант языка», «Типология сходств и различий в группе близкородственных языков (тезисы докладов научной конференции 30—31 октября 1972 г.)», Кишинев, 1972, стр. 11—12.

⁴ В. Ф. Ш и ш м а р е в, Романские языки и национальный язык МССР, «Вопросы молдавского языкознания», М., 1953, — стр. 96, 110—112; Ср.: A. L. P h i l i p p i d e, Originea românilor, Iași, 1925—1928, I, стр. 857—858; II, стр. 386—389, 404—405; N. D r â g a n u, Românii în veac. IX—XIV pe baza toponimiei și a onomasticeii, București, 1933.

стина, Д. Кантемира, М. Стрельбицкого⁵ и других авторов. На территории Бессарабии это противопоставление четко оформилось уже в XIX в.⁶

Следует иметь в виду, что противопоставление указанных лингвистических понятий отражается в настоящее время в различной самоидентификации балканороманского населения СССР. Если балканороманцы на всей территории МССР и в большинстве тех районов УССР, где они проживают, называют себя молдаванами, а своим родным языком считают молдавский, то на территории южной части Черновицкой области и в Закарпатье балканороманцы называют себя румынами, говорящими на румынском языке⁷.

Некоторые исследователи языков и культуры Восточной Рومании пытались и пытаются поставить под сомнение правомерность существования самих терминов «молдавская речь», «молдавский язык» и тем самым нейтрализовать противопоставление понятий «румынский»: «молдавский», заменяя эту корреляцию терминами «румынский», «дакорумынский», «балканорумынский»⁸. Более того, у некоторых наших западных коллег научная аргументация в пользу отказа от термина «молдавский» подменяется политической фразеологией⁹. Однако эти академические и неакадемические споры по поводу самостоятельности молдавского языка не находят отклика в народно-лингвистическом сознании балканороманцев, проживающих на территории СССР. Подавляющее большинство их причисляет себя к молдавской национальности и уверено, что его родным языком является не румынская, но молдавская речь. Вместе с тем носитель молдавского языка отдает себе отчет в значительном совпадении норм молдавской и румынской речи, подчеркивая обычно, что, хотя он и говорит по-молдавски, но это «почти одно и то же, что говорить по-румынски»¹⁰.

Все эти парадоксы национально-лингвистического самосознания объясняют нам неудачи попыток, с одной стороны, навязать носителям молдавской литературной речи лексико-грамматические, стилистические, а также графические и орфоэпические нормы румынского языка¹¹, а с другой, искусственно ослабить и даже разорвать генетические связи этих

⁵ Ср.: M. Costin, *Opere*, București, 1958, стр. 212; D. Cantemir, *Hronicul vechimei a Romano-Moldo-Vlahilor*. Publicat de pre originalul manuscript al autorului păstrat în arhivele principale din Moscova ... de Gr. Tocilescu, București, 1901; М. Стрельбицкий, *Русско-молдавский словарь*, Яссы, 1789.

⁶ Ср.: Я. Гинкулов, *Начертание правил валахо-молдавской грамматики*, СПб., 1840; А. Балдеску, *Русско-молдавский словарь*, Одесса, 1896. Ср. также: М. Чакир, *Русско-молдавский словарь*, Кишинев, 1907.

⁷ Ср. в этом смысле данные переписи 1970 г. (см. Пр. 17 IV 71).

⁸ Ср.: A. Cihac, *Dictionnaire d'étymologie daco-romane*, Frankfurt-am-Main, 1870—1879; Șt. Ciobanu, *Cultura românească în Basarabia sub stăpânirea rusă*, București, 1923; C. Tagliavini, *Una nuova lingua letteraria romanza? Il moldavo*, «Atti dall' VIII Congresso internazionale di studi romanzi», Firenze, 1956, II, стр. 445—452.

⁹ Ср.: A. Klees, *Rumänisch und Moldauisch*, «Osteuropa», 4, 1955; K. Heitman, *Rumänische Sprache und Literatur in Bessarabien und Transnistrien*. (Die sogenannte moldauische Sprache und Literatur), *ZfomPh*, 81, 1/2, 1965.

¹⁰ Нужно всегда помнить, что оценки степени близости двух языков или вариантов, построенные на индивидуальной лингвистической интроспекции, очень субъективны и обманчивы. Так, например, многие носители румынского литературного языка воспринимают молдавскую литературную речь, в том числе и речь дикторов кишиневского радио и телевидения, как архаизованную нелитературную речь с более или менее сильным диалектным «налетом». Вместе с тем существует немало молдаван — в том числе и языковедов, — уверенных, что они говорят на чистейшем литературном румынском языке.

¹¹ Ср. в этом плане румынизированные лексикографические сочинения тридцатых годов: «Dicționar ruso-moldovenesc», Tiraspol, 1932; «Dicționar ruso-moldovenesc medical», Tiraspol, 1933, а также более поздние попытки некоторых языковедов «латинизировать» современную молдавскую графику. Критический обзор этих последних подходов см. в статье: Р. Г. Пятровский, Н. М. Печек, *Ку привиде да ымбунэ-тэцира ортографией контимпоране молдовенешть*, «Октомврие», 1955, 10, стр. 79—83.

близкородственных языков¹². Ср. в этом плане неудачу, постигшую Г. Л. Менкена, пытавшегося объявить американский вариант английского языка самостоятельным языком внутри западной подгруппы германских языков¹³.

Итак, основным критерием, по которому два «говорения» следует рассматривать либо как национальные варианты одного литературного языка или его диалекты, либо как близкородственные языки, является соответствующая оценка этих «говорений» массами их носителей. Все попытки навязать носителям языка предвзятые оценки — будь то из политических соображений или на основе интроспекций ученых, занимающихся языковым строительством, — в конце концов корректируются самим языком. Однако нельзя забывать о том, что всякий лингвистический волюнтаризм, сопровождающийся обычно поспешным реформизмом в области орфографии и орфоэпии, создает дополнительные трудности в развитии народного образования, массовой коммуникации и в формировании национальной литературы.

Все сказанное выше не означает, что языковеды должны вообще отказаться от чисто лингвистического изучения проблемы соотношения близкородственных языков и национальных вариантов или диалектов. Такое решение вопроса, разумеется, не может устроить социолингвистику, одной из основных задач которой является, как уже говорилось, выработка таких лингвистических критериев, с помощью которых можно было бы относить сравниваемые «говорения» либо к разряду близкородственных языков, либо к классу национальных вариантов или диалектов.

Однако прежде чем приступить к формулировке указанных критериев, необходимо лингвистически эксплицировать народно-психологические оценки двух «говорений» со стороны их носителей. Систематизация этих экспликаций по разным близкородственным языкам и национальным вариантам даст возможность выработать в конце концов интересующие нас лингвистические критерии.

Порождение речи (текста) определяется, с одной стороны, системой языка и накладывающимися на нее нормой и узусом¹⁴, а, с другой, совершенно независимой от языка и не контролируемой им ситуацией. В результате могут появляться тексты, содержащие лингвистические единицы и связи, не предусмотренные в системе, норме и узусе языка. Если эти единицы и связи появляются систематически, то они начинают воздействовать на узус и норму, что в свою очередь может привести к перестройке системы. Таким образом, изменениям в системе и норме языка всегда предшествует факт речи¹⁵.

Если национальный коллектив (народ, народность, нация) распадается на более мелкие единицы, систематически оказывающиеся в различных ситуациях, то это всегда приводит к дивергенциям сначала в узусе и норме, а затем и в системе языка.

Теперь посмотрим, какого типа дивергенции и в каких сферах обнаруживаются между молдавским и румынским литературными языками.

¹² Ср.: Л. М а д а н, Грамматика молдавского языка, Тирасполь, 1930; «Кувынтельник русо-молдовенеск», Тирасполь, 1930; И. Д. Ч о б а н, Современное состояние научной разработки молдавского языка и его истории, «Вопросы молдавского языкознания», М., 1953, стр. 170—174.

¹³ Н. Л. М е н с к е н, указ. соч.; ср.: Е. I a r o v i c i, Engleza americană, Bucureşti, 1971; А. Д. Ш в е й ц е р, Литературный английский язык в Англии и США, М., 1971.

¹⁴ Ср.: Е. C o s e r i u, Sistema, norma y habla, Montevideo, 1952; Л. Е л ь м с л е в, Язык и речь, «История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях», II, М., 1963, стр. 113.

¹⁵ Ф. де С о с с у р, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 42 и 86.

Системные дивергенции между румынским и молдавским литературными языками обнаруживаются в фонологии, морфологии и лексике. Если не считать находящиеся на грани системы и нормы молдавские тенденции к устранению в некоторых позициях фонологических противопоставлений гласных [i : ə], [i : e]¹⁶, то основные расхождения между фонологическими системами обоих языков сводятся к устранению в молдавском произношении противопоставления твердости и мягкости внутри таких пар согласных, как /s : s'/, /c : c'/, /š : š'/, /z : z'/, /ž : ž'/ /r : r'/¹⁷, ср.:

Румынский	Молдавский	
(să)sară : seară /sare : s'are/ călăreț : călăreți /keler'ec : keler'ec'/ cucos : cucosi /kukoš : kukoš'/ lucrez : lucrezi /lukr'ez : lukr'ez'/ vinj : vinji /vinž : vinž'/ stejar : stejari /st'ežar : st'ežar'/	(сə)сарə : сарə /sare/ кэлэрэц : кэлэрэц /kelerec/ кукош : кукош /kukoš/ лукрез : лукрез /lukr'ez/ вынж : вынж /vinž/ стежар : стежар /st'ežar'/	«прыгал (бы) : вечер» «всадник : всадники» «петух : петухи» «работаю : работаешь» «вяз : вязы» «дуб : дубы»

Все приведенные в терминах фонологической аксиоматики Э. Петровича¹⁸ расхождения имеют морфологические последствия: в результате потери указанных противопоставлений у ряда молдавских существительных и прилагательных не различаются формы единственного и множественного числа¹⁹, а у глаголов с суффиксом -ез- потеряно противопоставление 1 и 2-го лиц ед. числа настоящего времени²⁰.

¹⁶ Р. Г. Пиотровский, Сосуществующие фонетические системы и стилистические корреляции в молдавском языке, «Проблемы структурной лингвистики», М., 1962, стр. 93—95; Gr. S c o r a n, Note lingv. Limba lui Creangă, «Buletinul Philipride», I, 1934, стр. 104—109; е г о ж е. Note lingv., там же, II, 1935, стр. 104; III, 1936, стр. 121—122.

¹⁷ Р. Г. Пиотровский, Моделирование фонологических систем и методы их сравнения, Л., 1966, стр. 170, 200; Gr. S c o r a n, Note lingv., «Buletinul Philipride», III, стр. 120—121. Следует иметь в виду, что разные нейтрализации имеют различный функциональный вес с точки зрения противопоставления румынской и молдавской речи. Этот вес определяется, очевидно, частотой употребления фонем, входящих в нейтрализуемые оппозиции. Так, например, «отверждение» /š'/ воспринимается и молдаванами и румынами как явный молдаванизм. Напротив, устранение корреляции /ž : ž'/ обычно проходит незамеченным. Это и понятно: фонемы типа /š/ встречаются гораздо чаще в румынском и молдавском текстах, чем фонемы /ž/, /ž'/ — ср. высокую частоту союза *și/si* «и» в молдавских и румынских текстах.

¹⁸ Ср.: E. Petrovici, Esquisse du système phonologique du roumain, «For Roman Jakobson. Essays on the occasion of his sixtieth birthday», The Hague, 1956, стр. 383—389.

¹⁹ В противовес этой морфологической нейтрализации в современной молдавской речи используются приемы языковой терапии. Например, формы *moș : moșe* «старик (дед) : старики (деды)» встречаются все реже, вместо них обычно употребляются словоформы *moșnag : moșneț* /moșn'ag : moșn'eț/ «старик : старики» — формы, имеющие четкое разграничение единственного и множественного числа. Аналогичным образом выходит из употребления *soț : soțu* «супруг : супруги». Вместо этих словоформ в разговорной речи используются слова *барбат* «муж» («мужчина») и *фемее* «жена» («женщина»).

²⁰ Если бы мы описывали фонологические системы обоих языков в аксиоматике А. Росетти, то результат остался бы тем же. Правда, вместо потери противопоставления твердости и мягкости неразличение указанных пар эксплицировалось бы устранением оппозиций /a : ə/ или отсутствием конечного «глухого» *i*. Ср.: A. Graur, A. Rosetti, Esquisse d'une phonologie du roumain, «Bullétin linguistique», VI, 1938, стр. 5—10; A. Rosetti, Considerații asupra sistemului fonologic al limbii române, «Studii și cercetări lingvistice», VIII, 1, 1957, стр. 45—46.

В области лексики обнаруживаются многочисленные системные расхождения, возникающие в связи с разной диалектной основой и в связи с принадлежностью румынской и молдавской речи к разным языковым союзам. В качестве примера рассмотрим следующие параллельные микро-системы ²¹.

Румынский	Молдавский	
1. <i>barză</i>	<i>кукостярк, барэ</i>	«анст»
2. <i>uzină</i>	<i>завод, узинэ</i>	«завод»
<i>zavod (zăvod)</i>	—	«летний лагерь рыбаков»
3. <i>combină (combaină)</i>	<i>комбайн</i>	«комбайн»
<i>combiner (combainer)</i>	{ <i>комбайнер</i>	«комбайнер»
	{ <i>комбинатор</i>	«комбинатор» (человек)
<i>combinator</i>	—	«комбинатор» (прибор)

К сожалению, ввиду полной неисследованности этого вопроса провести систематизацию и типизацию этих системных дивергенций в области румынской и молдавской лексики пока не удастся.

Наиболее многочисленные фонетические, грамматические и лексикосемантические дивергенции между румынским и молдавским языком обнаруживаются на уровне нормы и узуса. Иллюстративные примеры этих расхождений мы давать не будем, поскольку они много раз приводились в литературе ²². Вместе с тем следует иметь в виду, что использование отдельных иллюстративных примеров не исчерпывает существа дивергенций в норме и узусе двух близкородственных «говорений». Для того чтобы раскрыть специфику этих расхождений, необходимо применить такую процедуру, которая охватила бы всю массу этих расхождений на том или ином уровне языка. Поскольку норма и узус имеют статистическую природу ²³, эксплицировать расхождения двух близкородственных языков или вариантов можно с помощью статистико-дистрибутивного исследования параллельных или близких по стилю и содержанию текстов этих «говорений».

Первыми опытами такого фронтального сопоставления молдавской и румынской лексики и морфологии являются диссертационные работы Л. А. Новак и Н. Г. Маткаша. Исследование Л. А. Новак осуществлено на корпусе румынских и корпусе молдавских беллетристических, публицистических, научно-технических, разговорно-просторечных и диалектных текстов. Каждый корпус имеет примерно 150 тыс. словоупотреблений (около 500 стр.). Автором построен алфавитно-частотный словарь, включающий около 4 тыс. слов. Среди этих слов около 400 употребляется преимущественно в молдавских текстах, а 500 — в румынских ²⁴. Иными словами около 78% лексики молдавского и румынского

²¹ При построении микросистемы мы опираемся на данные следующих словарей: «Dicționarul limbii române literare contemporane», I—IV, București, 1955—1957; «Dicționarul limbii române», Serie nouă, București, 1965; «Dicționar de neologisme», București, 1961; «Дикционар молдовенеско-русеск», М., 1961.

²² См.: И. Д. Чобану, Пажинь дин трекутул Молдовей, Кишинэу, 1946, стр. 52—56; М. В. Сергиевский, Образование литературного языка в Молдавии, «Молдаво-славянские этюды», М., 1959, стр. 177—182; А. Т. Борщ, Молдавская лексикография, Кишинев, 1949, стр. 101—131; Р. А. Будагов, Молдавский язык среди романских языков, «Вопросы молдавского языкознания», М., 1953, стр. 127; Н. Г. Корляту, Ымбогэдрия вокабуларулуй молдовенеск ын периода советикэ, «Восточно-славяно-молдавские отношения», Кишинев, 1961, стр. 13—24, и др.

²³ Р. Г. Пиотровский, Л. А. Тургыгина, Антиномия «язык—речь» и статистическая интерпретация нормы языка, «Статистика речи и автоматический анализ текста», Л., 1971, стр. 11 и сл.

²⁴ Ср. следующие работы Л. А. Новак: «Частотный словарь молдавского и румынского языков», АКД, Л., 1962; «Osservazioni sullo studio della statistica del lessico moldavo e francese» («Statistica linguistica», Bologna, 1971, стр. 367—375); «Alcuni problemi di statistica linguistica e i dizionari di frequenza», там же, стр. 377—441.

литературных языков обнаруживают, очевидно, близкие нормы употребления, а около 22% имеют разную статистику и дистрибуцию.

Еще более интересные результаты показало диссертационное исследование Н. Г. Маткаша. Сопоставляя румынский и молдавский частотные списки словоформ с помощью критерия ранговой корреляции по Спирмену:

$$R = 1 - \frac{6 \sum d^2}{n(n^2 - 1)},$$

где d — разность порядковых номеров (рангов) сравниваемых словоформ, а n — общее число этих последних²⁵, Н. Г. Маткаш показал, что числительные и служебные слова, за исключением артикля, дают значительное статистическое схождение в обоих языках (от 80 до 100%). Напротив, у знаменательных слов это схождение заметно ниже (от 60 до 75%). Наименьшее схождение показывают формы артикля (около 50%). Это расхождение, по мнению автора, «связано с большим употреблением в молдавской публицистике форм родительного падежа под влиянием соответствующих флективных форм (генитивных конструкций) русского языка»²⁶.

Разумеется, оба указанных исследования дают пока еще очень грубую оценку статистических дивергенций румынской и молдавской литературной речи. Более полные и точные данные, эксплицирующие народные противопоставления молдавского и румынского языков, можно получить, рассматривая статистику и комбинаторику большого числа лексических единиц и сочетаемость грамматических классов. Решить эту задачу с достаточной достоверностью можно только лишь путем исследования больших массивов параллельных молдавских и румынских текстов различных стилей. Объем работы здесь настолько велик, что реализовать эту задачу в обозримый срок можно только с помощью электронно-вычислительной машины. Само собой разумеется, что ЭВМ не сможет однозначно решить вопроса о самостоятельности румынского и молдавского языков — окончательное решение этой проблемы остается за лингвистом.

Первая задача ЭВМ состоит в том, чтобы выполнить рутинные работы, состоящие в выделении типовых контекстов и дистрибуций, в их классификации и подсчете, равно как в выявлении других комбинаторно-статистических параметров, характеризующих расхождение и схождение в норме и узусе молдавских и румынских текстов²⁷. Работа в этом направлении уже начата. Приведем пробные машинные результаты по статистико-дистрибутивной обработке молдавских и румынских параллельных текстов²⁸ [взяты переводы одних и тех же фрагментов из работ В. И. Ле-

²⁵ Ср.: Я. Гаек, З. Шидак, Теория ранговых критериев, М., 1971, стр. 144—145.

²⁶ Н. Г. Маткаш, Лексика и морфология молдавской публицистики в сравнении с лексикой и морфологией других дако-романских функциональных стилей. АКД, Л., 1967, стр. 14. Аналогичные исследования дивергенций в немецкой публицистической речи ГДР и ФРГ, но с применением более тонких статистических критериев, проведены А. С. Ротарь в работах: «Опыт статистического описания современных немецких публицистических текстов (к вопросу о некоторых дивергентных явлениях в газетных текстах ГДР и ФРГ). АКД, Минск, 1971; «Применение критерия согласия χ^2 (К. Пирсона) для оценки степени близости теоретического и эмпирического распределения частот словоформ в подязыке немецкой публицистики», сб. «Статистика текста», I, Минск, 1969, стр. 181—197.

²⁷ Подробнее об использовании ЭВМ при решении лингвистических задач этого типа см. в работе: К. Б. Бектаев, С. К. Кенесбаев, Р. Г. Пиотровск и й, Об инженерной лингвистике, ВЯ, 1973, 2, стр. 173—180.

²⁸ Первая колонка цифр — номера словоформ, вторая колонка цифр — частоты

нина: «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» и «Задачи союзов молодежи» (Речь на III съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г.)). Эксперимент осуществлен на ЭВМ «Минск-22» и «Минск-32».

1 ши	170	1 și	173
2 де	161	2 de	170
3 ын	146	3 în	147
4 а	96	4 a	116
5 сә	78	5 să	76
6 май	66	6 o	62
7 о	52	7 mai	58
8 каре	46	8 din	53
9 дин	42	9 care	49
10 ку	39	10 cu	45

1 чя май маре	5	1 cea mai mare	5
2 де а се	4	2 de a se	4
3 ши де кэтре	4	3 internaționalei a 2-a	4
4 чя май аспрэ	3	4 de aceea	3
5 ын кытева	2	5 și de către	3
6 ын примул	2	6 ce este expus	2
7 ын рындул	2	7 cea mai dezgustătoare	2
8 ын стрэинэте	2	8 cea mai severă	2
9 веке а фост	2	9 cel mai bun	2
10 дакэ н'ар фи	2	10 cele mai reacționare	2

Вторая задача, которая может быть поставлена перед машиной, состоит в определении с помощью разного рода статистических и информационных критериев²⁹ функционального веса нормативно-узуальных расхождений между молдавской и румынской литературной речью. Общая сумма весов этих дивергенций и будет являться информационно-статистической экспликацией противопоставления молдавского и румынского языков, — противопоставления, живущего в сознании носителей балканороманской речи. Идя по этому пути, можно было бы получить информационно-статистическую экспликацию дивергенций между другими близкородственными языками (например, чешским и словацким, таджикским и персидским), а также между вариантами одного языка (например, австрийским и немецким, кубинским и испанским).

Располагая достаточно представительным материалом лингвостатистических и информационных экспликаций для дивергенций, существующих между близкородственными языками и вариантами (диалектами) одного языка, мы могли бы приступить к определению тех лингвистических критериев, с помощью которых можно было бы решать вопрос о самостоятельности того или иного «говорения».

²⁹ Речь здесь может идти не только об использовании ранговых критериев, а также критерия соответствия χ^2 , критерия Стьюдента, но также и о сопоставлении информационных измерений текстов как с точки зрения селективной, так и смысловой информации (ср.: Х. Ц. Георгиев, В. И. Богодист, Т. Ф. Коженец, В. Н. Пестунова, Р. Г. Пиотровский, С. В. Райтар, Измерение смысловой информации, «Частные вопросы автоматического анализа текстов», Минск, 1972, стр. 6—16).